

Дождь поутих, превратился в липкую взвесь, от которой не спасал короткий дождевик с желтой эмблемой Доставки. Джинсы промокли и вспомнили свой цвет — темно-синий.

Моргнули фонари, засветились бледным. Вдалеке замаячили Гаражи, силуэты на фоне убористых граффити, длинные изломанные тени. Юра тихо ругнулся.

Год назад, когда Юра пришел в Доставку, его жалели: давали заказы полегче, не отправляли в злачные места типа Рыночной или Гаражей — туда гоняли взрослых дядек, кто покрупнее. А потом мужское население города изрядно проредили известные события. В курьеры повалили потенциальные вдовы — жить ведь на что-то надо. И понеслось. Не отправишь же тетку с тяжеленным коробом к черту на куличики. А Юру — отправишь.

Пришлось срочно повзрослеть: поднатореть в искусстве small talk с аборигенами окраин, освоить нетривиальные способы отпугивания бродячих собак, выучить карту города, чтобы не светить хоть и задрипаным и китайским, а все же смартфоном.

Но бросать эту работу Юра и не думал — нужны были деньги. Да и куда еще его, шестнадцатилетнего, возьмут? «Цель оправдывает средства», — сказал кто-то древний и сильно умный. А цель у Юры была.

Позади мерно хлюпало. Юра обернулся.

— Привет! — Маленькая фигурка в дождевике Доставки и с торчащим по бокам термобором махала экраном смартфона.

Юра остановился в темноте между фонарями.

— Телефон убери, — буркнул он, когда девчонка в ярко-зеленой шапке подошла ближе. — Ты кто?

— Варя, — улыбнулась она и спрятала телефон под дождевик. — А ты Юра, да? Максим Андреич велел тебя догнать. Сказал, с тобой не страшно. Я только по вечерам могу работать, так что районы выбирать не приходится...

Юра развернулся и зашагал дальше.

— Адрес какой? — спросил он, когда до Гаражей оставалось всего ничего.

Варя засуетилась, нырнула рукой под дождевик.

— Телефон не доставай. Распечатка где?

Она показала за спину. Юра вздохнул и полез в ее короб.

— Э, слышь! — Сиплый голос, развязный тон. Мужик шел наперерез, сжимая в руке продолговатый предмет.

Юра сунул Варе распечатку и шагнул навстречу незнакомцу.

— Юрик? — Мужик вылез под фонарь и оказался Пашей. Деловито сунул баклажку под мышку и пожаловался: — Долго ты, час стоим мокнем.

— Здравсьте, дядь Паш. Пробки. — Юра скинул короб и выудил увесистый пакет.

— Точно мое? — усомнился Паша, но проверять не стал — заметил Варю. — Подружайка твоя?

— Сестра, — сказал Юра, схватил Варю за рукав и потащил прочь. — До свидания, дядь Паш, заказов вагон!

Вслед беззлобно ругнулось, икнуло, звякнуло.

— Телефон не палить — раз, карту и адреса знать наизусть — два, — на ходу бросал Юра, — и я тебе не нянька — три.

Морозило зверски. Бабушка всучила Юре толстые шерстяные носки, еще дедовы, его же колючий шарф и варежки, от которых нестерпимо чесалась кожа.

Варя тоже утеплилась, умудряясь при этом не выглядеть как бродяга. Юра старался не пялиться на ее румяные щеки и каштановые прядки, вылезшие из-под шапки.

— Слышал про теорию разбитых окон? — без предисловий начала она.

— Неа, это про что? — спросил Юра, подстраиваясь под ее шаг.

— Социологи провели серию экспериментов и сделали такой вывод: если в здании разбить одно стекло и не заменить его, скоро в этом здании не останется ни одного целого окна.

Поначалу Варина болтовня бесила. Потом привык. И сам не заметил, как начал ждать новых историй.

— В общем, — продолжала она, — теория объясняет, как окружающая среда влияет на поведение людей. Разбитое окно — это триггер: здесь так можно, продолжай.

— Тех социологов надо в наши Гаражи — сплошной триггер, — сказал Юра.

— Не поспоришь, — усмехнулась Варя. — Интересно, как все это устроено, правда? В людях, в обществе я имею в виду. Хочется разобраться. А потом, может, что-то изменить.

— Собралась сделать мир лучше? — криво ухмыльнулся Юра.

— А по-твоему, и пытаться не стоит?

— Для этого тебе деньги?

Юра спросил впервые. Они никогда не обсуждали, зачем убиваются в Доставке.

— Я в МГУ хочу, — сказала Варя. — Конкурс на бюджет — можешь себе представить. Не доберу какой-нибудь дурацкий балл, и все. А я обязательно не доберу, я невезучая. На платное пройти шансов больше, а через год переведусь по оценкам.

— А че родаки?

— Говорят: иди в областной, — скривилась Варя. — А ты? Куда поступаешь?

— Не решил еще, мне ж только через год.

— А копишь на что?

— Да так... — Юра покосился на Варю, кивнул на пятиэтажки впереди. — У меня три слота. Встречаемся у «Пятеры» минут через пятнадцать, лады? — И быстро зашагал на первый адрес.

Весна была ранняя и отчаянная. Снег сошел в начале марта, из ошалевшей от солнца земли лезла трава и мать-и-мачеха.

А Варя заболела. Сильно.

Больница, реанимация, ИВЛ. Подробности Юра узнавал от теток из Доставки, которые были в курсе всего, а Варю любили как родную. Кудахтали без остановки. А однажды во главе с Максимом Андреичем всучили Юре Варин адрес и корзину фруктов с неоновом-розовым бантом на ручке.

Варя жила в приличном районе. Не элитный ЖК, конечно, но и не хрущевки с картонными стенами.

Позвонил. Подождал. Хотел оставить корзину под дверью и слиться, но тут щелкнул замок, дверь приоткрылась, показалось Варино лицо. Худое, бледно-голубое, с огромными мультяшными глазами цвета весенней травы.

— Привет, — улыбнулась она и пустила Юру внутрь. — Прости, долго шла.

— Это тебе, — протянул он корзину. — От коллег.

Варя рассмеялась, обхватила корзину прозрачными руками, и Юра испугался, как бы не завалилась вместе с ней. Взялся за ручку, скинул кроссовки.

— Давай помогу, куда нести?

— На кухню. — Варя прошла в коридор, Юра за ней. — Кофе или чай? Я рада, что ты пришел.

— Ага, чай, — отозвался он. — Ты как вообще?

— Да ничего. — Варя включила чайник, загремела посудой. — Как на работе?

— Ну как... — Юра водрузил корзину на подоконник, сел за стол. — Паша в завязке, Гаражи снесли — там экопарк будет, Максим Андреич похудел на двадцать килограммов.

Варя замерла с чашками в руках, Юра хмыкнул:

— Да по-старому. Все по тебе скучают, приветы передают.

— Я тоже скучала. — Она села напротив, уткнулась в свой чай. — А ты как, что нового?

Разговор был медленным, тягучим, как горячечный сон. Юра отхлебывал из чашки, не чувствуя вкуса, и украдкой выхватывал взглядом тонкие Варины пальцы, отросшую каштановую челку, точки-веснушки на переносице. И оттаивал, и замирал, не решаясь заговорить о важном.

Перед тем, как приехать сюда, он заскочил домой. Переоделся. Глянул на стол, заваленный набросками, подумал — не стоит. Достал из тайника пухлый конверт, сунул в карман.

Он давно решил. Но не представлял себе, как это будет. И вот.

— Слушай, я тут... — Юра выложил конверт на стол, подвинул к Варе. — Подарок тебе к поступлению. Когда там результаты?

— Думаешь, не пройду?

— Думаю, в Москве они тебе понадобятся в любом случае.

— Ты так и не сказал, на что копишь, — заметила Варя.

— Да так, на фигню.

Варя встала, подошла вплотную, положила ладони на Юрины плечи. Спросила:

— Приедешь ко мне в Москву?

На кухне бубнил телек: Новый год, война, выборы. Протяжно свистнул чайник, скрипнул стул, звякнуло, шорхнуло — и стихло.

Юра прокрался по коридору и заперся в туалете. Шагнул на толчок, вытащил решетку вентиляции и пошарил рукой в пыли. Достал конверт, сунул в него деньги.

Вернулся в комнату, встал перед мольбертом. Набросок был сырой еще и неуклюжий, но уже ждал цвета: каштановая челка, зеленые глаза, бледно-голубая кожа.